

правления РАК за 1844 г. СПб., 1845. С. 17-18; Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании. Т. 2. СПб., 1863. С. 282-283.

9. Формулярный список Всеволода Гавриловича Политковского, 1868 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 16. Д. 254. Л. 37-54.

10. Полный послужной список генерал-адъютанта, генерала от кавалерии Клюпфеля, 1884 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 15640. Л. 4-13 об.

11. Подробнее о его деятельности см.: История Русской Америки. Т. 3. М., 1999. С. 61-71.

12. Цит. по: История Русской Америки. Т. 3. М., 1999. С. 114.

Слова Загоскина в центре Аляски

Кибрик А.А.,

д.филол.н., ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН

1. Загоскин на землях верхнего Кускоквима

Л.А. Загоскин в своем путешествии вверх по Кускоквиму в 1844 году дошел до устья р. Точотно (31 мая 1844, 62°57'31» с. ш. и 155°06'18» з. д.). Это река, ныне официально называемая Такотна. На месте ее впадения в Кускоквим находится поселок МакГрат (McGrath). Эта территория исторически является этнической родиной одного из атабаскских народов Аляски – верхнекускоквимцев (Upper Kuskokwim). Судя по всему, название «Такотна» происходит из языка соседнего народа, ингалик, а вариант «Точотно», отмеченный Загоскиным, – из верхнекускоквимского языка, где эта река называется именно *Tocho'no'*. Очевидно, что Загоскин в мае 1844 г. не только доплыл до земель верхнекускоквимцев, но и вступил с ними в контакт.

Из рассказа Загоскина ясно, что он разговаривал с верхнекускоквимцами и записал от них гидронимы верхнего течения Кускоквима. В частности, упоминаемое им название «Иццынно» очевидно отражает верхнекускоквимское название южного рукава Кускоквима *Edzeno'*, на котором находится деревня Николай – ныне место проживания подавляющего большинства верхнекускоквимцев.

Экспедиция Загоскина сыграла большую роль в установлении контактов между русскими и аборигенами Кускоквима. В своей книге Загоскин прямо настаивает на необходимости обеспечения индейцев предметами, необходимыми для их жизни и хозяйствования. Эта его установка, очевидно повлиявшая на политику русских властей на Аляске, отражается в многочисленных заимствованиях, обнаруживаемых в языке индейцев верхнего Кускоквима. Однако прежде чем рассказать об этих заимствованиях, необходимо дать некоторые общие сведения о верхнекускоквимцах и их языке.

2. Верхнекускоквимцы

Верхнекускоквимцы — немногочисленный этнос, даже по масштабам атабаскских племен Аляски. В настоящее время насчитывается около двух сотен людей (всех возрастов), связанных по происхождению с верхнекускоквимским племенем. Неизвестно, превышала ли их численность эту цифру существенно во времена Загоскина. Большинство нынешних верхнекускоквимцев — смешанного происхождения, в особенности это касается детей, типично имеющих индейскую мать и белого отца.

Традиционно верхнекускоквимцы были таежными кочевниками. Начиная с 1830-х годов они подвергались культурному влиянию русских. Это влияние сыграло краеугольную роль при формировании современного верхнекускоквимского этноса. Православие, которое было, по-видимому, поголовно принято верхнекускоквимцами в середине XIX века, составляет сейчас единственный зримый компонент их традиционной культуры. Русский (точнее, церковнославянский) язык используется старшим поколением как культовый — язык церковных песнопений.

С конца XIX века существует деревня Николай, которая в течение XX века стала центром притяжения членов верхнекускоквимской общины. В настоящее время в Николае живет от 80 до 100 людей, из которых лишь 10-15 не являются коренными местными жителями. В Николае есть шесть основных индейских фамилий: Николай, Деннис, Исай, Григори, Петруска (< рус. Петрушка) и Алексиа (последняя фамилия была принесена пришлым эскимосом, женившимся на кускоквимской женщине). Другие известные верхнекускоквимские фамилии: Сесуй (< рус. Сысой), Илуска (< рус. Илюшка), Диафон, Васили, Питка (< рус. Петька). Все эти фамилии стали употребляться как собственно родовые имена (а не как просто отчества) с 1920-х или 1930-х гг.

3. Верхнекускоквимский язык

Верхнекускоквимский язык относится к атабаскской языковой семье. Это одна из крупнейших языковых семей Северной Америки, распространенная в трех географически разделенных ареалах — на северо-западе континента (Аляска и западная Канада; языки дена'ина, коюкон, кутчин, слейви, чипевайан, сарси и мн. др.), в небольшом ареале тихоокеанского побережья (северная Калифорния и южный Орегон; языки хупа, толова и др.) и на юго-западе США (апачские языки, навахо). Атабаскская семья входит в макросемью на-дене вместе с языками эяк и тлингит. Верхнекускоквимский язык (Upper Kuskokwim Athabaskan) — один из 11 атабаскских языков Аляски. Этот язык был идентифицирован как особый язык, отличный от соседних языков ингалик, коюкон, дена'ина и танана, М. Крауссом и Р. Коллинзом в начале 1960-х гг.

Полный переход с верхнекускоквимского на английский произошел в Николае необычайно быстро, в течение 15-20 лет. В 1948 г. открылась миссионерская школа; до этого времени английский язык верхнекускоквимцами не использовался и был им практически неизвестен. Но уже в

1960-е гг., когда родились и росли дети людей, прошедших миссионерскую школу, начался массовый отказ от верхнекускоквимского языка. Дети воспитывались уже на английском языке, и в результате верхнекускоквимский как семейный язык был отвергнут. В течение 1960–70-х гг. верхнекускоквимский еще довольно активно использовался старшим поколением. В настоящее время осталось, по-видимому, две-три супружеских пары, продолжающих повседневно использовать верхнекускоквимский (наряду с английским).

Носителей верхнекускоквимского языка насчитывается около трех десятков. Подавляющее большинство их старше 60 лет, есть лишь несколько людей, моложе этого возраста. С начала 1970-х гг. верхнекускоквимский преподается в николайской школе как предмет. Однако это ни в коей мере не остановило умирание языка. Напротив, для нынешних молодых верхнекускоквимцев родной язык – это несколько десятков названий птиц и зверей, выученные на уроках, а вовсе не средство коммуникации.

Автор статьи занимается верхнекускоквимским языком с 1997 года. В 1997 и 2001 годах были проведены две экспедиции в с. Николай (каждая – по 4 месяца), где проводилась работа по сбору грамматических, словарных и социолингвистических сведений о данном языке.

4. Русские заимствования в верхнекускоквимском

В верхнекускоквимском насчитывается около 80 лексических заимствований из русского языка – непосредственных или через посредство других местных языков (атабаскских или эскимосского). Эти слова можно разделить по тому, каков был «маршрут» их попадания в язык – непосредственно из русского или через посредство других языков. О том, каков был маршрут, часто можно судить по форме слова в верхнекускоквимском (ВК) языке:

1. Русский → ВК
suhale 'сухари', galdi 'карты'
2. Русский → другой атабаскский → ВК
mega 'хлеб, мука', medulja 'бутылка', jilots 'ключ' (из дена'ина)
3. Русский → эскимосский → ВК
boze 'Бог, икона', maslik 'масло'
4. Русский → эскимосский → другой атабаскский → ВК
manjak 'банка', mojjak 'бочка', mosgak 'Пасха'

Исследование русских заимствований в верхнекускоквимском языке позволяет реконструировать сеть межэтнических контактов, существовавших в середине XIX века в западной и центральной частях Аляски, проследить альтернативные пути попадания артефактов и – вместе с ними – новых культурных концептов в район верхнего Кускоквима. Основные контакты происходили:

- а) по основной водной артерии – реке Кускоквиму:
  - а1) с атабасками ингалик;
  - а2) с эскимосами, жившим намного ниже по реке;

- а3) в отдельных случаях непосредственно с русскими (Колмаков, Загоскин);
- б) через Аляскинский хребет – с индейцами дена'ина, жившими между заливом Кука и горами;
- в) гораздо реже – с индейцами коюкон, жившими в бассейне р. Юкон.

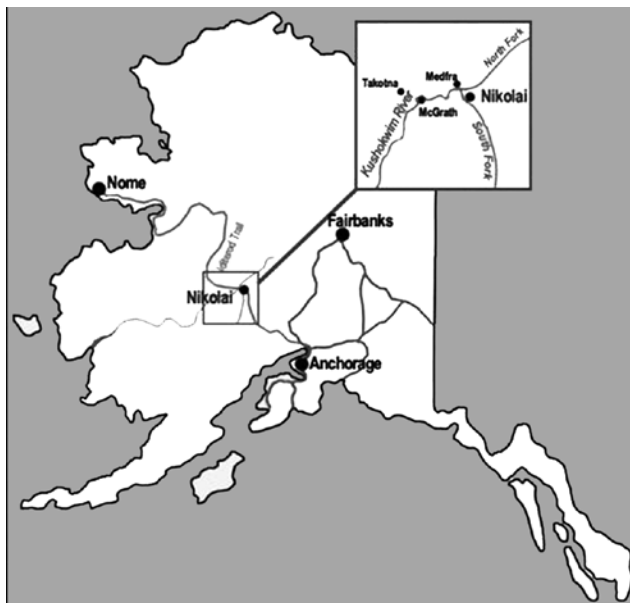

Рис. 1

Рис. 2

Нарративы в культуре северных Атабасков

*Бергельсон М.Б.,
д.филол.н., профессор Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова*

0. Путешествия Лаврентия Загоскина по внутренней Аляске и проведенные им там исследования включили этот ареал в мир Русской Америки. Более чем вероятно, что если бы не он, то атабаскское население этих мест, не имевшее другого прямого контакта с русскими¹, никогда бы не приняло православие. Сегодня православие – одна из определяющих и конституирующих черт их культурной традиции.

Материал для данного исследования был собран во время полевой работы в селе (town) Николай, расположенном в центральной Аляске, с местными жителями, представителями атабаскской этнической группы верхнекускоквимцев. Название языка и группы происходит от названия области верхнего течения реки Кускоквим (Upper Kuskokwim). В XIX веке русские называли население этой части Аляски кольчанами, но название не закрепилось, хотя американские этнографы и сейчас используют термин Kolchan. Атабаски проживают на этой территории как минимум последние несколько тысяч лет (Дзенискевич, 1987). Из-за необычайно суровых условий жизни и неспособности земли прокормить много людей, число верхнекускоквимцев, по-видимому, никогда хоть сколько-нибудь значительно не превышало 200 человек. В самом селении Николай около ста жителей, из которых подавляющее большинство верхнекускоквимцы.

1. Иерархически организованные культурные модели и формирующиеся на их основе стратегии мотивируют не только убеждения и поступки, но и коммуникативное поведение, то есть являются моделями коммуникативного поведения. Нарративная традиция данной культуры является одним из важнейших видов коммуникативного поведения и, в свою очередь, также зависит от иерархии базовых культурных моделей. Это проявляется в особых стратегиях построения нарратива.

1.1. Как и для всякой бесписьменной культуры, роль нарративов в жизни северных атабасков очень велика. Дополнительная специфика и, соответственно, еще более значительная роль нарративов у северных атабасков определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, традиционно полукочевой образ жизни в условиях суровой природы не способствовал хранению большого количества предметов материальной культуры. Все имущество группы должно было помещаться в заплечных мешках. Все, что не помещалось, при переходе на новую сезонную стоянку сжигалось. Таким образом, материальная культура и ее артефакты были сведены к необходимому минимуму. Культурная идентичность северных атабасков не могла найти свое выражение в создании

изоциренных образцов материальной культуры. Она находила свое выражение в устной традиции повествования.

Во-вторых, такие особенности коммуникативной культуры атабасков как уважение автономности индивидуума и максимально возможное невмешательство в его поведение, в том числе и при воспитании детей и передаче им традиционного опыта, умений и навыков, делали нарратив главной и едва ли не единственной формой передачи традиции помимо простой имитации поступков.

1.2. Нарративы выполняют три главные функции: образование детей, регулирование социальных отношений, развлечение и увеселение для старейших членов группы.

Конечно, в настоящее время частично эти функции нарративов утрачены, и их роль в культурной самоидентификации верхнекускоквимцев снизилась. Тем более что рассказываются они теперь по-английски, что и привело за последние 25 лет к сужению жанрового разнообразия нарративов. Но с другой стороны, отчасти именно утрата родного языка и не слишком успешные попытки его возрождения привели к тому, что традиция устного рассказа стала все больше и больше ассоциироваться с традиционной духовной культурой, с сохранением культурного наследия данной этнической группы. Причем характерно, что сохраняется именно модель культурно обусловленного коммуникативного поведения, а не просто дискурсивный жанр или, тем более текст. Носители осознают, что их нарративная традиция состоит не только из самого рассказа, но включает в себя коммуникативную цель (передачу опыта и знаний), определенных участников (уважаемый представитель старшего поколения в качестве рассказчика, детская аудитория), определенной внешней среды (помещение, которое используется для общественных нужд), настроения. Многие факты этих рассказов о жизни и так известны, но цель рассказа состоит не в изложении фактов, а в той идее, которую рассказчик вкладывает в их интерпретацию.

2. Едва ли не главной отличительной особенностью верхнекускоквимцев и некоторых их соседей является их принадлежность к православной религии и достаточно ревностное отношение к сохранению этого наследия, доставшегося им с того времени, когда Аляска была частью Российской империи.

Верхнекускоквимцы, или кольчане, до XX века непосредственно с русскими не контактировали (Hosley 1966), а получили крещение от православных миссионеров, с которыми они встречались, сплаваясь по реке Кускоквим на юг в сторону побережья. Православие является наряду с языком и частью материальной культуры, важнейшей составляющей культурной самоидентификации верхнекускоквимцев, которые в отличие от некоторых других, бывших до этого православными, племен, не перешли в протестантскую веру в середине XX века.

От русских верхнекускоквимцы заимствовали не только религию, но и предметы материальной культуры – тоже опосредованно, через контакты с другими коренными народами, а также и соответствующие слова. В верхнекусковском языке их насчитывается до 80.

3. Утверждается, что тип поведения, характеризующий культуру, есть активная деятельность, а не просто проявление некоей культурной парадигмы (Rushforth 1991, 135). В нашем случае эта деятельность базируется на натуральной охоте, кочевании, ограниченном определенной территорией, и устной традиции. Эта активная деятельность происходит в тесной связи между верованиями, ценностями и нормами, с одной стороны, и языковыми значениями – с другой.

В качестве базовых, прототипических, культурных ценностей северных атабасков выделяются следующие:

Усердие и опора на собственные силы (Rushforth)

Щедрость, взаимовыручка и поддержка (Generosity, Mutual aid, and Support)

Автономность индивидуума (Individual autonomy)

Сдержанность в личных проявлениях и контроль в межличностных отношениях (Personal Restraint and Control)²

Первые три характеристики естественно вытекают из условий обитания субарктических народов и их способа пропитания. Охота требует от человека огромного прилежания, уверенности в своих силах и умения действовать полностью автономно, полагаясь только на свои силы и опыт. Относительная скудость ресурсов и суровые условия Крайнего Севера, с другой стороны, означают, что выживание возможно только при ответственном и справедливом распределении ресурсов. Необходимость опираться на свои силы и опыт охотника сочетается с заботой о семье, клане как необходимым условием выживания группы.

Четвертая же характеристика, также называемая уважительным невмешательством в действия других ('deference'), вытекает из первых. Так как индивидуум должен полагаться только на свои силы, быть независимым и самодостаточным, ему не приказывают, не советуют и не помогают во многих таких ситуациях, которые даже с точки зрения евроамериканской культуры, основанной на индивидуалистических ценностях, предполагают вмешательство. Например, при воспитании и обучении детей. Атабаскская культура не только не позволяет ругать ребенка и негативно оценивать его действия, но и вообще оценивать его действия, в том числе положительно. Оценка действий другого человека есть безусловное вмешательство и посягательство на его автономность. Именно поэтому у поколения, прошедшего миссионерскую школу, с общением на родном языке связаны такие негативные эмоции.

4. «Уважительное невмешательство» многие исследователи отмечают как главную особенность стратегии построения рассказа у атабасков (Kropf 1992; Basso 1979). Эта особенность коренным образом отличает

североатабаскскую традицию (и другие близкие ей традиции коренного населения Северной Америки) от европейской и естественно вытекает из более глобальных отличий коммуникативного поведения атабасков, руководствующихся принципом уважения автономности коммуникативного партнера.

4.1. Любое коммуникативное взаимодействие – это уже нарушение автономности адресата и угроза его социальному лицу, поскольку от коммуникации нельзя отказаться (игнорирование собеседника, как известно, тоже коммуникативный сигнал). В коммуникативной культуре атабасков это верно в еще большей степени, чем в европейской. Поэтому, в соответствии с Принципом вежливости (Brown and Levinson 1987), адресат нуждается в компенсации урона, нанесенного его социальному лицу. Как представляется, демонстрацией такой стратегии компенсации является то, что в отличие от евроамериканской модели, предложение темы для разговора происходит уже на втором шаге, то есть лицом, независимость и автономность которого были «ущемлены» обращением к нему.

Ср. (1) и (2):

(1). А.	Привет! Как дела?	1-й шаг
Б.	Здорово! Отлично.	2-й шаг
А.	Слушай, ты не видел Н.?	3-й шаг

Однако в коммуникативной культуре северных атабасков тему представляет адресат, и это мотивировано необходимостью уважать его автономность, и без того нарушенную обращением к нему:

(2). А.	Hi John	1-й шаг
В.	Hi, what are you looking for	2-й шаг

4.2. Данная коммуникативная стратегия построения диалога имеет свою параллель и в атабаском нарративе. Коротко ее можно выразить как «The listener tells the story». Это означает, что взаимное уважение между рассказчиком и его аудиторией, принцип невмешательства в дела другого и общая коммуникативная цель создания интегративного знания сводят главную роль рассказчика к тому, чтобы предоставить аудитории достаточно фактической информации по данной теме. Роль адресата состоит в том, чтобы предугадать, предвосхитить вывод и выразить его своими собственными словами в качестве обратной связи. Если слушающий не отреагировал своим умозаключением на предоставленную ему информацию, то рассказчик вынужден повторить цикл, уточняя и дополняя факты, как в ориентационной части рассказа (дескриптивные пассажи), так и в основной линии повествования (нарративные пассажи) до тех пор, пока слушающий не сделает вывод, который устроит рассказчика. Таким образом, нарратив рождается в интеракции между рассказчиком и аудиторией. Поэтому один и тот же рассказ одного и того же автора может быть очень кратким и лаконичным или же, наоборот, длинным и довольно скучным с «европейской» точки зрения в зависимости от степени понимания и участия аудитории.

Литература

1. Basso, K.H. (1979). Portraits of «The Whiteman»: linguistic play and cultural symbols among the western Apache. Cambridge Eng.; New York, Cambridge University Press.
2. Brown, P. and S. C. Levinson (1987). Politeness: some universals in language usage. Cambridge Cambridgeshire; New York, Cambridge University Press.
3. Hosley, E. (1966). The Kolchan: Athapaskans of the Upper Kuskokwim: 148.
4. Kropf, C.R.R., Palmer, Barton, Ed. (1992). After Genette: current directions in narrative analysis and theory. Studies in the literary imagination; v. 25, no. 1. Atlanta, Ga., Georgia State Univesity.
5. Rushforth, S., Chisholm, James S. (1991). Cultural persistence: Continuity in meaning and moral responsibility among the Bearlake Athapaskans. Tucson & London, The University of Arizona Press.
6. Дзенискевич, Г.И. (1987). Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры конец XVIII – начало XX века. Ленинград, Наука.
7. Загоскин, Л.А. (2007). Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке. Путешествия к американским берегам. Москва, Дрофа: 125-621.

Примечания

1. Сам Лаврентий Загоскин описывает свои кратковременные контакты с представителями, по всей видимости, верхнекускоквимского этноса в главе «Поход к верховью Кускоквима. Обзор летнего сообщения между редутом Колмакова и Икогмютом» своих «Путешествий» – см. (Загоскин 2007: 440-450).
2. В опубликованном списке традиционных ценностей атабаскских старейшин на первом месте стоит *self-sufficiency* (независимость, самостоятельность, самодостаточность; автономность).